
КОНТЕКСТ

М.В. ВИЛИСОВ *

«ФАБРИКИ МЫСЛИ» ИЛИ «КУЗНИЦЫ ИДЕЙ»? ЦЕННОСТНАЯ ПОВЕСТКА АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ СТРАН ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ¹

Аннотация. В пяти странах ЕАЭС насчитывается более двухсот аналитических центров, сформировавших на протяжении постсоветской истории определенную практику участия в общественно-политической жизни соответствующих стран. Эта практика пока недостаточно изучена в прикладном плане, в части ее реального влияния на формирование политического курса и принятие политических решений. В статье предлагается использовать имеющиеся теоретические наработки относительно деятельности аналитических центров, их результатов («идей»), принципов взаимодействия между собой, а также с государственными и общественными институтами («режимы знаний», «модель стабильности и устойчивости государственных систем») для формирования теоретической рамки оценки их роли и функций в общественно-политических процессах. В результате

*** Вилисов Максим Владимирович**, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований, МГИМО (У) МИД (Москва, Россия); e-mail: vilisov@centero.ru

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта (государственный номер 122101100044–6), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

DOI: 10.31249/poln/2023.02.09

сформировано представление об аналитических центрах как производителях «идей», а также о типах идей и форматах их влияния на общественно-политические процессы, о функциях аналитических центров в контексте обеспечения стабильности и устойчивости государственных систем, обеспечения общественного согласия, а также доверия государственным и общественным институтам. Разработанный подход апробирован в рамках исследования публичной активности аналитических центров ЕАЭС в 2022 г. с использованием количественных и качественных методов. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования деятельности аналитических центров как на макроуровне (уровень государственной политики), так и на микроуровне (уровень конкретной организации).

Ключевые слова: аналитический центр; ЕАЭС; идея; режим знаний; модель стабильности и устойчивости государственных систем.

Для цитирования: Вилисов М.В. «Фабрики мысли» или «кузницы идей»? Ценностная повестка аналитических центров стран ЕАЭС в контексте государственной политики // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 203–233. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.09>

Введение

Аналитические центры (мозговые центры, фабрики мысли, *think tanks*, далее – АЦ) возникли и формировались в рамках технократических и рационалистических подходов к функционированию политико-административной сферы, выполняя задачи интеллектуальной поддержки процессов формирования и реализации публичной политики, политических и административно-управленческих решений, представительства и согласования интересов, формирования «обратной связи» в механизме политико-административного управления. Совокупность описанных функций позволяла аналитическим центрам занимать уникальную нишу «неполитических» участников политических процессов, обеспечивающих рациональность, научную обоснованность и политическую сбалансированность принимаемых решений, что в конечном итоге повышало результативность и эффективность политики и управления, способствовало росту доверия к государственным институтам. Подобная культура сформировалась изначально в западных странах и после завершения холодной войны начала активно распространяться по всему миру. Аналитические центры стали превращаться в важный общественно-политический институт, необходимый элемент функционирования гражданского общества

[Abelson, 2018; McGann, Weaver, 2000; Rich, 2004; McGann, Johnson, 2005], «пятую власть», по оценке Дж. МакГанна [McGann, 2016]. Это обусловило исследовательский интерес к ним, а также создало спрос на публичную оценку их деятельности – что весьма характерно для открытой и конкурентной модели их функционирования, предполагавшей в том числе активные дискуссии как с коллегами, так и с политическими акторами [Weidenbaum, 2010].

В России и странах ЕАЭС аналитические центры начали формироваться после распада СССР (при этом академические структуры, консультировавшие политическое руководство СССР в закрытом режиме по вопросам внешней политики [Ефременко, 2017] никуда не исчезли) и стали значимым элементом общественно-государственной инфраструктуры достижения общественного согласия и выработки публичной политики на разных уровнях [Римский, Сунгуров, 2002; Сунгуров, Распопов, Беляева, 2012; Зайцев, 2009], формируя соответствующий общественный институт. В России развитие этого института имело свою специфику, которая хорошо отражается при помощи моделей «оплаченного результата», «линейно-автономной» модели и модели «действенных оснований» [Сунгуров, 2015]. Указанные модели отражают проблемы «объективности» и «идеологической нейтральности» экспертного знания и его использования в политике и раскрывают выполнение аналитическими центрами таких функций, как легитимация власти, представительство интересов и внесение инновационных идей в повестку, что коррелирует с задачами обеспечения стабильности и устойчивости государственных систем через формирование «политической веры», достижение «общественного блага» и стимулирования «кооперативности» и «гражданственности» [Вилисов, Телин, Филимонов, 2020]. Развитие этих компонентов стабильности и устойчивости государственных систем является актуальной задачей для постсоветских стран [Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020].

Под влиянием глобализации институт аналитических центров неизбежно интернационализировался: как за счет копирования практики работы западных аналитических центров в других странах (в том числе и за счет целенаправленного финансирования со стороны государственных и негосударственных структур западного происхождения), так и за счет открытия филиалов и представительств аналитических центров западных стран на территории других государств, а

также участия АЦ, функционирующих в формате негосударственных организаций (НГО), в транснациональных сетях неформального управления [Westerwinter, Abbot, Biersteker, 2021].

В результате росла степень общественно-политического влияния АЦ; при этом доминирование западных аналитических центров было очевидным¹. Составление и ведение глобального рейтинга АЦ под руководством Дж. МакГанна в Пенсильванском университете (США) также стало одним из инструментов роста влияния аналитических центров в целом и западных в частности – они становились образцами для подражания, подчас недостижимыми для аналитических центров других стран.

Так, в списке первых 100 аналитических центров рейтинга МакГанна² представлено 16 центров из США, 44 из западных стран и 40 из незападных стран (включая два центра из России, один из которых – российский филиал Фонда Карнеги). При этом в списке первых 20 аналитических центров представлено восемь центров из США, восемь – из западных стран и четыре – из незападных (России там нет)³. Доминирование аналитических центров из США и западных стран стало очевидным, при этом некоторые из них приобрели глобальный характер и создавали свои представительства в других странах: филиалы Брукингского института представлены в Китае, Индии, Катаре; филиалы Фонда Карнеги представлены в Китае, Индии, России⁴, Бельгии, Ливане.

Постепенно трансформировалась и роль самих аналитических центров. Из политически и идеологически нейтральных они стали превращаться в идеологически ангажированные – как в самих США [Drezner, 2017], так и за их пределами, в том числе и в России [Малинова, 2013; Ефременко, 2014]. В период действия «политического тандема» в России (период президентства Д.А. Медведева) идейное и идеологическое пространство страны стало в значительной степени конкурентным именно благодаря деятельности аналитических центров, которые специально создавались и развивались для осуществления этих функций, на фоне

¹ McGann J.G. Global go to think tanks index report // TTCSP index reports. – 2020. – Mode of access: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (accessed: 16.06.22).

² Там же.

³ Там же.

⁴ В соответствии с решением Минюста РФ от 08.04.2022 функционирование Московского центра Карнеги было прекращено.

малоактивных в этой сфере политических партий, и в целом воздействовали позитивно на общественно-политические процессы [Малинова, 2013]. В дальнейшем функции аналитических центров опять трансформировались, однако эти трансформации уже в меньшей степени находились в центре внимания исследователей.

В отличие от западных стран и постсоветской России, где АЦ создавались изначально преимущественно в негосударственной сфере, Китай шел по пути государственного строительства аналитических структур (преимущественно в рамках системы Академии наук и университетов), но на определенном этапе (2014–2015 гг.) пришел к пониманию необходимости совершенствования этой модели [Комиссина, 2017; Маслов, 2021], системного изучения и оценки деятельности для развития аналитических центров и обеспечения их влияния и конкуренции, в том числе – на глобальном уровне, в контексте развития китайской «мягкой силы» [Комиссина, 2017; Маслов, 2021]. Образцом для подражания, как и основными потенциальными конкурентами, здесь опять были выбраны аналитические центры США. Для управления процессом трансформации китайских АЦ в сторону большей публичности и влияния была сформирована соответствующая государственная программа, а также разработана собственная система показателей их оценки и даже создана специальная структура: Центр оценки и изучения китайских аналитических центров, который стал выпускать рейтинги исследовательских организаций [Комиссина 2017, С. 78–79]. Особое внимание было уделено стимулированию создания частных АЦ, результаты исследований которых могут не совпадать с официальной позицией [Комиссина, 2017, с. 77].

Китайский опыт в контексте данного исследования очень важен, так как он представляет собой, во-первых, попытку управляемой трансформации государственной системы аналитических структур (изначально скопированной с советской, в которой преимущественная роль отводилась академическим институтам), а во-вторых – стимулирование государством развития частных АЦ и «глобализации» всей системы АЦ для выхода на международный уровень.

Страны ЕАЭС, унаследовавшие советскую академическую систему, никаких системных преобразований экспертно-аналитического сектора не производили, он развивался во многом стихийно и в разных сферах: академическая сфера существовала отдельно, сфера НГО развивалась в основном при зарубежной финан-

совой поддержке, на определенном этапе аналитические структуры стали формироваться государством и возникать в университетах. Системная оценка деятельности национальных АЦ не ведется ни в одной стране ЕАЭС, для этого в лучшем случае используются международные рейтинги, на которые сами АЦ достаточно часто ссылаются для подтверждения собственного авторитета.

Таким образом, если рассматривать условно «американскую» и «китайскую» модели развития АЦ как два полюса, то страны ЕАЭС демонстрируют смешанную модель, что будет важно учитывать при дальнейших исследованиях.

Целью настоящей статьи является изучение ценностной повестки аналитических центров стран ЕАЭС в современный период и попытка осмысления их актуальной роли в механизмах формирования государственной политики, общественно-политического дискурса и в целом – в общественно-политических процессах соответствующих стран. На основе анализа коммуникационной политики соответствующих аналитических центров делается попытка описания их влияния на стабильность и устойчивость соответствующих государственных систем. Подобное комплексное рассмотрение роли аналитических центров является как нельзя более актуальным и в сравнительно-страновой перспективе. Активное развитие аналитических центров по всему миру, наблюдавшееся за последние несколько десятилетий, привело к формированию, накоплению и осмыслению практики их функционирования, а также к формированию национальных моделей их развития, среди которых особняком стоит описанная выше китайская модель. Это создает концептуальные альтернативы для государств ЕАЭС в части развития аналитических структур.

Статья структурирована следующим образом. В первой части представлен обзор основных теоретических моделей, применимых к исследованию аналитических центров в странах ЕАЭС, в том числе в контексте стабильности и устойчивости государственных систем, доверия общественным и государственным институтам, общественного согласия. Во второй части приводится обзор аналитических центров стран ЕАЭС и динамика их развития за последние несколько лет. В третьей части представлены обзор и анализ публикаций аналитических центров стран ЕАЭС за 2022 г. и основные выводы об их ценностной повестке. В заключение делаются выводы по результатам исследования и предложения по внедрению их результатов на практике.

Теоретическая рамка исследования аналитических центров

Доминирующая в западной политической науке логика понимания аналитических центров и оценки их роли в общественно-политических процессах хорошо выражается в определении АЦ, данном МакГанном для целей составления глобального рейтинга: «Аналитические центры – это исследовательские организации, вовлеченные в процесс публичной политики и производящие прикладные исследования, анализ и консультирование по внутренним и международным вопросам, которые позволяют общественности и ЛПР¹ принимать обоснованные политические решения. АЦ могут быть независимыми или быть аффилированными с какими-то структурами, но при этом они действуют на постоянной основе, в отличие от комиссий и рабочих групп, создаваемых для решения конкретной проблемы. Эти структуры часто функционируют в качестве “моста” между академическим и политическим сообществами, а также между государством и гражданским обществом, действуют в интересах общества как независимый переводчик фундаментальных и прикладных исследований на язык, который понятен, доступен и заслуживает доверия ЛПР и общественности» [McGann, 2016].

Указанное определение в целом достаточно точно характеризует роль и место АЦ в общественно-политических процессах, а также их основные функции, поэтому и было взято за основу при проведении настоящего исследования с определенными изменениями, основанными на полученных в ходе исследования результатах. Оно также было в свое время положено в основу методики оценки деятельности АЦ, разработанной МакГанном и применявшейся для составления глобального рейтинга АЦ².

Эта методика предполагает оценку АЦ по четырем группам показателей:

- **ресурсы** (материальные и нематериальные, прежде всего – контакты и профессиональные связи);
- **востребованность** (со стороны общественности, политических кругов, СМИ);

¹ Лица, принимающие решения.

² McGann J.G. Global go to think tanks index report // TTCSP index reports. – 2020. – Mode of access: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (accessed: 16.06.22).

– **результаты** (количество и качество выпускаемой интеллектуальной продукции в виде книг, статей, отчетов, интервью и комментариев);

– **воздействие** (внедрение интеллектуальных результатов в практику, степень их влияния на принятие решений и на общественное мнение) [McGann, 2022, p. 41–42].

Оценка является результатом международного экспертного опроса, основанного на качественных показателях.

Вполне стройная с точки зрения здравого смысла, эта система показателей тем не менее имеет существенные недостатки как с теоретической, так и с практической точки зрения. Основная их суть сводится к тому, что «измерить (политическое) влияние невозможно», особенно при помощи каких-то количественных показателей [Weidenbaum, 2010]. Исследователями отмечается, что в американском «политическом процессе само чувство “интеллектуальной конкуренции” намного важнее воздействия того или иного АЦ, а доступность экспертов из аналитических центров для общественности, прессы и политиков для получения неангажированного мнения намного важнее продуктов, выпускаемых аналитическими структурами» [Weidenbaum, 2010]. Такие утверждения подчеркивают не только отдельные национальные политические особенности (речь о них пойдет ниже), но и специфику политических процессов как таковых, где неформальное взаимодействие (в том числе между экспертами и политиками) также играет важную роль и не может быть легко описано какими-то конкретными показателями.

Различия в принципах построения и функционирования политических и государственных систем также имеют значение. Очевидно, что ситуация «интеллектуальной конкуренции» преимущественно негосударственных АЦ в США вряд ли может быть воспроизведена в Китае или в России. В китайском случае государство регулирует даже название этих структур, которое в свое время рекомендовано было поменять на китайском языке с «фабрик мысли» на «кузницы идей» в связи с запланированной трансформацией роли АЦ в современном Китае [Комиссина, 2017].

Идеи как результаты деятельности аналитических центров

В научном плане концепция о том, что «идеи» являются основным результатом деятельности АЦ, уже достаточно хорошо разработана [Ruser, 2018]. Она базируется на предположениях о том, что «идеи» как совокупность научных представлений, норм и ценностей (как формальных, так и неформальных, в том числе традиций, ритуалов и привычек) способны оказывать самостоятельное влияние на политику, как и интересы, формируя ментальные (идеологические, ценностные) ограничения для выработки политического курса и конкретных политических решений, причем часто не осознаваемые политическими акторами, в том числе ЛПР [Campbell, 1998; Малинова, 2009; Малинова, 2010]. Исследователи выделяют «нормативные» и «когнитивные» идеи [Малинова, 2009], отмечают, что благодаря идеям дискурс становится частью политики [Малинова, 2009], а сами идеи приобретают власть [Carstensen, Vivien, Schmidt, 2016]. Однако при этом отмечается, что идеи могут существовать и в «распыленных» формах коллективно разделяемых представлений и норм, когнитивных моделей и ценностных ориентаций, которые кажутся очевидными [Малинова, 2009].

В результате зарубежными исследователями была сформулирована следующая типология идей [Campbell, 1998]:

- **программы** (как предписания со стороны политической элиты для ЛПР в целях формирования политического курса);
- **рамки** (как символы и концепты, позволяющие легитимировать политические решения перед общественностью);
- **парадигмы** (как предположения элиты о возможных и доступных для использования решениях);
- **общественные настроения** (как предположения общественности о легитимных вариантах решений, доступных для ЛПР).

Существуют отдельные исследования, посвященные изучению политических парадигм, которые рассматриваются как «совокупность идей и стандартов, которые определяют не только цели политического курса и типы инструментов по их достижению, но и саму природу проблем, на которые они должны быть обращены» [Hall, 1993]. При таком подходе «идеи» оказываются внутри «политической парадигмы», однако именно они ее формируют. Концепция политической парадигмы успешно используется для оцен-

ки процессов формирования политического курса, в том числе роли экспертов в этом процессе [Khmel'nitskaya, 2021]. Таким образом, концепт идей как продуктов деятельности АЦ может быть весьма полезным для оценки результатов их деятельности, их воздействия и влияния.

Применив концепт идей к деятельности АЦ, получаем следующее рабочее определение аналитического центра: ***аналитический центр** – самостоятельная организация или структурное подразделение (чаще всего – университета или академического института), занимающаяся прикладным анализом и разработками в сфере политики, публичной власти и управления с целью трансформации научного знания в идеи, влияющие на процесс выработки политики и принятие политических решений.* Идеи при таком подходе становятся планируемым результатом деятельности АЦ, который благодаря использованию типологии идей становится легче проследить в политическом процессе. Само понятие идеи предполагается сформулировать следующим образом: ***идея** – представления о социальной и политической сфере, основанные на результатах научной деятельности, практическом опыте, социальных нормах и практиках, ценностных установках и верованиях, формирующие ожидания, предположения и / или предписания по реализации политического курса и / или его легитимации.*

Определение АЦ как производителей идей (весьма близкое китайскому «кузница идей») позволяет не только уточнить их функции, но и более четко разграничить их деятельность с другими структурами. Так, например, в исследованиях зарубежных ученых встречалось определение основной функции АЦ как быть «проводниками правды» [Ruser, 2018], т.е. производителями научного, верифицированного знания. Эта «правильная» функция противопоставляется «неправильной функции» АЦ как «проповедника» – производителя идей, основанных на идеологически обусловленной картине мира [Drezner, 2017]. Так как в обоих случаях речь идет о производстве идей, то появляется возможность для их разграничения еще по одному признаку, важному для идентификации АЦ: в одном случае в идее научное знание (объективное и верифицированное) выступает в качестве главной ценности («знание как ценность»), в противоположном случае определенная ценность превращается в идею («ценность как идея»).

Изначальная роль АЦ, отраженная в определении МакГанна, заключалась в производстве идей на основе принципа «знание как ценность». Однако исследователи отмечают, что АЦ все чаще производят идеи на основе принципа «ценность как идея», что является производством идеологии [Drezner, 2017]. Фактически речь идет о разделении АЦ на «производителей идей, основанных на научном знании» и на «производителей идей, основанных на идеологии».

В деятельности последних нет ничего плохого (в России, например, таковых явно не хватает, что плохо для состояния «рынка идей») до тех пор, пока они не пытаются претендовать на то, что они относятся к другой категории, что приводит к засилью пропаганды, ложных новостей и политической поляризации. Собственно, в этой подмене и кроется суть многих проблем в политике в отношении самих АЦ. Производя идеи и эффективно распространяя их, они усиливают свою «идейную власть» – возможность влиять на мышление и поведение других субъектов посредством идей, в том числе обеспечивая за собой доминирование в части возможности формирования новых и интерпретации существующих идей [Carstensen, Vivien, Schmidt, 2016]. Если при этом они подменяют «знание» «идеологией» и начинают активно влиять на политику, это приводит к возникновению политической напряженности, особенно если АЦ пытаются осуществлять трансграничное идеологическое воздействие на «пространство идей» в другой стране – так возникают концепции государственного регулирования «иностранных агентов».

Само «пространство идей» в рамках той или иной политики также заслуживает внимания. При описании такого пространства в США чаще всего используется метафора «рынка идей» [Drezner, 2017], что логично укладывается в упомянутый выше концепт «интеллектуальной конкуренции». Однако, как показывают исследования, такое положение вещей вряд ли может быть признано универсальным даже для западных демократий. В зависимости от типа государственной системы (закрытая централизованная или открытая децентрализованная) и типа экономики (полностью рыночная или рыночная регулируемая) возможно выделение четырех типов «режима знаний» [Ruser, 2018, Campbell, 2011] (табл. 1).

Таблица 1

Типология режимов знаний

Тип государственной системы / тип экономики	Либеральная рыночная	Регулируемая рыночная
Децентрализованная открытая	Рыночно ориентированный режим: большой исследовательский сектор, имеющий преимущественно частное финансирование; доминируют академический и «адвокатский» (представительский) секторы аналитических центров; крайне состязательный, пристрастный и конкурентный процесс производства знаний	Режим, ориентированный на консенсус: маленький, финансируемый из государственных источников исследовательский сектор; академические, партийные и государственные аналитические структуры в равных пропорциях; консенсусный, преимущественно политически и идеологически нейтральный процесс производства знания
Централизованная закрытая	Политически сдержанный режим: небольшой исследовательский сектор, финансируемый из государственных и частных источников; академические, частные и государственные аналитические структуры примерно в равных пропорциях; сдержанно состязательный, пристрастный и конкурентный процесс производства знаний	Государственный технократический режим: большой, финансируемый из государственных источников исследовательский сектор; академические и государственные академические структуры доминируют; технократичный и беспристрастный процесс производства знаний

Как видно, в зависимости от «режима знаний» политические акторы и общество могут быть не готовы к активной деятельности зарубежных АЦ (или АЦ с зарубежным участием), особенно если последние ориентированы на конкуренцию или даже конфронтацию идей – это просто может вызвать культурное несоответствие. Использование типологии «режимов знаний» является очень продуктивным для исследования западных политий, в том числе государственных систем стран ЕАЭС.

Специфика государственных систем, в том числе стран ЕАЭС, описывается также моделью стабильности и устойчивости государственных систем (МСУГС) [Вилисов, Телин, Филимонов, 2020; Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020]. Она содержит четыре основных параметра (см. табл. 2), в рамках которых возможно сформулировать функции АЦ, позитивно на них влияющие и фак-

тически интегрированные в соответствующие параметры (КИ, КД и ФИ соответственно). Выполнение этих функций также требует производства различного рода идей: в рамках ФД они будут направлены в сторону общественности для легитимации политического курса, в рамках КД они будут направлены в сторону государственной системы для обеспечения научно-обоснованной критики, в рамках ФИ они могут иметь более репрезентативный и даже идеологический характер, а в рамках КИ важно будет умение модерировать процесс обмена идеями для выработки общих (консолидирующих и консенсусных).

Таблица 2

**Функции АЦ в рамках модели стабильности
и устойчивости государственных систем**

Устойчивость государственной системы	Функционально-деспотический параметр (ФД) Функция: объяснение политического курса правительства	Функционально-инфраструктурный параметр (ФИ) Функция: представительство интересов различных социальных групп
Стабильность государственной системы	Консолидационно-деспотический параметр (КД) Функция: конструктивная критика	Консолидационно-инфраструктурный параметр (КИ) Функция: организация дискуссии и диалога

В свете описанных подходов совсем другое значение приобретают некоторые теоретические модели, разработанные ранее. Так, например, модель «оплаченного результата» вполне укладывается в функцию «объяснение политического курса», когда АЦ объясняют широкой общественности, определенной части политической элиты и бюрократии отдельные положения политического курса, формулируя определенные типы идей: «рамки» и «парадигмы» (см. выше).

На основе рассмотренной теоретической базы представляется возможным сформировать инструментарий оценки АЦ для определения их роли в формировании общественного согласия и обеспечения доверия государственным и общественным институтам. Такая оценка может производиться как на макроуровне (на уровне соответствующей государственной системы), так и на микроуровне (на уровне соответствующего АЦ).

Для оценки на макроуровне подойдет концепт «режима знаний», в то время как для оценки на микроуровне подойдет МСУГС

через оценку типа и содержания «идей», производимых АЦ. Применение соответствующих теоретических моделей будет основываться на количественных и качественных данных о публичной деятельности АЦ за определенный период.

Общая характеристика аналитических центров стран ЕАЭС

В ходе двухгодичного анализа и мониторинга деятельности аналитических центров стран ЕАЭС удалось сформировать в 2021 г. [Атлас ... , 2021] и актуализировать в 2022 г. [Атлас ... , 2022] перечни аналитических центров стран ЕАЭС (см. табл. 3).

Таблица 3

Основные количественные характеристики АЦ стран ЕАЭС

Страна	Всего		Распределение по категориям (2022)			
	2022	2021	Академический	Государственный	НГО	Университетский
Армения	32	31	3	1	24	4
Беларусь	5	38	1	1	3	1
Казахстан	28	35	2	9	17	2
Кыргызстан	24	9	0	3	19	2
Россия	116	100	23	12	59	22

Как видно из таблицы, в некоторых случаях происходили существенные изменения в численности АЦ от года к году, что обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, были выявлены фактически недействующие организации: отсутствие публикаций на сайте и в соцсетях за исследуемый период, отсутствие упоминаний в СМИ, отсутствие обратной связи на запрос анкеты об организации.

Во-вторых, некоторые организации были закрыты по решению государственных органов.

В-третьих, анализ деятельности некоторых организаций показал ошибочность их отнесения к АЦ – по характеру своей деятельности они выполняли функции СМИ, пропагандирующих определенную идеологию, чаще всего – ориентированных на деструктивную критику действующих политических режимов. Наиболее показательным здесь является пример Республики Беларусь: часть из аналитических структур фактически не работают (17 организаций не публиковали обновления в течение 2021–2022 гг.) или ликвидированы по решению государ-

ственных органов (четыре организации), часть из них функционируют за пределами страны (11) и занимаются чисто пропагандистской деятельностью.

Сопоставление полученных результатов с международными перечнями АЦ¹ показало, что полученные списки являются наиболее актуальными и достоверными.

В российском случае была проведена специальная дополнительная работа по поиску и включению в список региональных АЦ. К сожалению, нельзя утверждать, что список в этой части является исчерпывающим – многие региональные АЦ достаточно слабо представлены в публичном пространстве, что затрудняет их самостоятельный поиск, однако опросы экспертов указывают на их наличие, что позволяет продолжать соответствующую работу.

Уточнение перечня АЦ стран ЕАЭС позволило более подробно определить специфику функционирования и динамику развития аналитических структур в рассматриваемых странах. Эти особенности были изложены в ряде публикаций участников исследовательского проекта [Атоян, 2021; Кудаяров, 2022 а; Кудаяров, 2022 б; Кудаяров, 2022 в].

В ходе проведения обзора были выявлены следующие проблемы: отсутствие четких методологических критериев для отнесения той или иной организации к АЦ – авторы публицистических статей по этой тематике, а также публичных электронных ресурсов, как правило, достаточно вольно подходят к включению тех или иных организаций в перечни АЦ (Белоруссия, Казахстан), в результате в них могут оказываться также консалтинговые структуры или неформальные интеллектуальные объединения (клубы). Это ставит задачу выработки более четких критериев определения АЦ, при условии понимания разнообразия организационно-правовых форм их деятельности. Отдельной задачей является организация постоянного мониторинга и оценивания их деятельности, так как некоторые структуры ведут свою деятельность достаточно неровно (особенно это касается НГО, в страновом разрезе это в большей степени относится к Киргизии).

¹См: Open think tank directory. – Mode of access: <https://onthinktanks.org/open-think-tank-directory/> (accessed: 05.03.2023).

Анализ публикационной активности АЦ стран ЕАЭС

Количественные характеристики

Основным количественным параметром оценки деятельности АЦ стало количество упоминаний в СМИ, подсчитанное при помощи системы мониторинга СМИ и соцсетей «Медialogия». Все результаты обезличены, никакие названия АЦ в отчете не фигурируют, чтобы не создавать ситуации оценивания какого-то конкретного АЦ. В табл. 4 представлены некоторые сводные аналитические данные.

Таблица 4

Количественные показатели упоминаний АЦ в СМИ (январь – ноябрь 2022 г., по материалам «Медialogии»)

Количество публикаций	Страна				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Максимальное	517	471	738	112	5000
Минимальное	0	2	0	0	0
Медианное	2,5	30	28,5	8	65

Результаты количественных замеров вызвали значительное количество вопросов.

Во-первых, многое зависит от технических параметров поиска. Например, единственным казахстанским АЦ, о котором было 0 упоминаний в СМИ, оказался один из ведущих государственных АЦ. Как показали результаты ручного поиска, это не так. Ситуация объясняется техническими параметрами поиска в Медialogии – поисковый профиль этой организации в ней не создан, а поиск по названию дает большое количество нерелевантной информации. Таким образом, система требует специальной настройки для целей мониторинга деятельности АЦ.

Во-вторых, распределение упоминаний слишком неоднородно. Часть организаций не имели упоминаний в СМИ: по Армении – 8 (среди них 3 НГО и 5 академических АЦ), по Казахстану – 1 (государственный АЦ), по Кыргызстану – 6 (все – НГО, два из них – с иностранным участием), по России – 6 (3 НГО, 1 государственный и 1 академический).

Это может быть связано как с техническими настройками поиска, которые были указаны выше, так и с другой спецификой. Например – деятельность некоторых АЦ может быть более востребованной на региональном и даже местном уровне, что отражается в соответствующих СМИ, которые не входят в базу мониторинга Медиалогии. В то же время это может означать отсутствие активности соответствующих АЦ или их недостаточную активность. Организации, которые регулярно и активно цитируются СМИ (в среднем более 2–3 упоминаний в неделю), составляют соответственно 9%, 20, 14, 4, 42% для Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, России. Конечно, здесь могут быть поправки на язык (АЦ Армении публикуют свою информацию на русском, армянском и английском языках, Медиалогия же искала только на русском), но это может означать и низкую публичную активность соответствующих АЦ, что не исключает их высокой неформальной активности (работа по заказам со стороны государственных структур, например). Для выяснения подробностей нужно вести постоянный мониторинг и анализ их деятельности, что требует соответствующих ресурсов (технических и людских). Результаты такого анализа, проведенного по Белоруссии, позволили сократить список АЦ этой страны с 38 в 2021 г. до шести в 2022 г. по разным основаниям (см. выше).

В дополнение к анализу активности в СМИ был проведен выборочный анализ активности АЦ на сайтах и в соцсетях (табл. 5).

Как видно, здесь также установлены организации, которые не имели соответствующей активности, что ставит вопрос об отсутствии фактической деятельности, хотя некоторые из них могут заниматься тем, что производят продукцию по заказам и не делают соответствующих публикаций. Удивительным является большое количество российских АЦ, не отразивших информации о проводимых ими мероприятиях (в общей сложности более половины). Причем они не заявили ни об очных, ни об онлайн-мероприятиях.

В целом по результатам количественного анализа можно сделать выводы о недостаточной активности АЦ исследуемых стран, а также о необходимости совершенствования и автоматизации механизмов мониторинга, которые являются достаточно трудоемкими.

Таблица 5

**Результаты выборочного анализа активности АЦ
некоторых стран на сайтах и в соцсетях**

Тип показателя по АЦ определенной страны	Количество публикаций на сайте и в соцсетях	Количество докладов, опубликованных на сайте и в соцсетях	Количество проведенных мероприятий, отраженных на сайтах и в соцсетях
Беларусь			
Макс.	330	27	232
Мин.	4	2	0
Мед.	51	2	7
Казахстан			
Макс.	260	5	60
Мин.	0	0	0
Мед.	2	0	5
Киргизия			
Макс.	107	0	34
Мин.	0	0	0
Мед.	1	0	4
Россия			
Макс.	898	54	48
Мин.	0	0	0
Мед.	2,5	0	0

Качественные параметры

Оценки по качественным параметрам производились для получения представления о типах идей, которые производятся аналитическими центрами, а также о выполняемых функциях в рамках МСУГС. Для оценки были выбраны наиболее активные (по количественным показателям, описанным выше) АЦ каждого типа из каждой страны. Сводные результаты представлены в приложении.

В ходе качественного анализа получены следующие результаты. Рассмотренные АЦ довольно активно комментируют актуальную политику в СМИ, основной производимый тип идей: «рамки» и «парадигма». НГО могут презентовать идеи типа «общественные настроения». Тональность распространяемых идей консенсусная во внутривнутриполитическом измерении, во внешнеполитическом она может быть конкурентная и даже конфронтационная, как правило – по линии основных актуальных международных конфликтов. С точки зрения МСУГС большинство АЦ независимо от их типа выполняют функции «объяснение политического курса» и «организация дискуссии и диалога», в редких случаях – «конструктивная критика» (чаще всего – НГО).

Оценки на макроуровне

Скорее всего, все рассмотренные национальные системы АЦ ориентируются на консенсусный тип «режима знаний». Однако для консенсусного режима в них не хватает партийных АЦ (формально существовал только в Казахстане, но прекратил свое действие).

Сама типология режимов знания при этом требует уточнения, так как постсоветские страны, очевидно, в нее не вписываются: по характеристикам государственной системы и экономики они относятся скорее к централизованным государственным системам и регулируемым экономикам (исключение может представлять Армения, где государственная система менее централизована), но в них явно недостает технократичности в части производства знаний: АЦ не являются разработчиками соответствующих типов идей («программы»), хотя в целом процесс производства знаний скорее беспристрастный. Доминирующим типом производимых идей являются «рамки» и «парадигмы», которые предполагают в основном внутриэлитный диалог и предложение идей для их легитимации в общественном мнении, т.е. это ориентация на диалог «сверху вниз». Идеи типа «общественные настроения» встречаются намного реже и исходят в основном от НГО (что закономерно). АЦ ориентированы в основном на работу в формате «знание как ценность»; число АЦ, работающих в формате «ценность как идея», т.е. более идеологическом и пропагандистском, недостаточно велико, при этом они встречаются как среди государственных, так и среди негосударственных аналитических структур.

С точки зрения функций, выполняемых в рамках МСУГС, АЦ в основном выполняют функцию объяснения политического курса, реже – организации дискуссии и диалога; значительно реже они выполняют функции конструктивной критики и представительства интересов. Здесь наблюдается очевидный дисбаланс в пользу функционального и инфраструктурного компонентов в ущерб компоненту консолидационному, что может негативно влиять на общественное согласие: интересы, ценности, предпочтения, ожидания части социальных групп могут оказаться непредставленными в политическом процессе, что может вызывать состояние неудовлетворенности, прорывающееся в кризисные моменты. Политические кризисы 2020 г. в Белоруссии и 2022 г. в Казахстане могут быть тому примерами.

Отчасти нишу представительства интересов и конструктивной критики пытались занять АЦ – НГО, действовавшие при зарубежной поддержке. Примеры таких структур есть во всех исследованных странах, но в Республике Беларусь они проявились наиболее ярко, заняв в условиях кризиса очевидно политическую, идеологическую и пропагандистскую позицию, ориентированную на непримиримую критику действующего политического режима. Такая позиция оказывала деструктивное влияние на общественное согласие и подрывала доверие к общественным и государственным институтам.

В Российской Федерации подобные примеры отмечены также, но в значительно меньших масштабах. Причиной этому может быть наличие специального законодательного регулирования в отношении иностранных агентов, что накладывает некоторые ограничения на их деятельность, особенно в части распространения идей. С точки зрения обеспечения общественного согласия и доверия государственным и общественным институтам этот опыт можно признать скорее успешным: он не приводит к закрытию или прекращению деятельности АЦ (хотя такие случаи есть), но маркирует их в качестве иностранного производителя идей, что дает возможность осознанного потребления и использования идей таких АЦ. Надо отметить, что российские АЦ – иностранные агенты в целом следовали и следуют доминирующему режиму знаний и ориентированы на консенсус. Объяснение здесь может лежать в наличии тесных горизонтальных контактов внутри экспертного сообщества, когда одни и те же эксперты могут работать как в НГО, так и в академических или университетских АЦ. Здесь включаются неформальные механизмы, в том числе горизонтальной кооптации и контроля [Baez-Camargo, Ledeneva, 2017]. Указанные механизмы требуют дополнительного, более глубокого изучения.

В целом деятельность АЦ в рассматриваемых странах, особенно в России (из-за большого количества АЦ и относительной активности их деятельности) требует глубокого и системного изучения, весьма трудоемкого и ресурсозатратного. Российская специфика предполагает значительную роль государства в формировании и развитии системы АЦ. Очевидно, что на данном этапе развития требуется как можно больше идей всех типов (в том числе формата «общественных настроений» и «программ»). Таким образом, государству придется содействовать развитию АЦ – НГО или передавать соответствующие функции государственным, ака-

демическим и университетским АЦ. В условиях идеологической неопределенности и глобальной политической нестабильности возрастает роль производства «идей-ценностей», что могли бы делать партийные АЦ (которые в России отсутствуют). Для координации работы по изучению и оценке АЦ в России можно было бы воспользоваться китайским опытом, где создан соответствующий центр, которому государством поручено вести изучение и оценку национальных АЦ с составлением соответствующего рейтинга [Комиссина, 2017]. Учитывая сложность, важность и трудоемкость такой задачи, аналогичное решение для России выглядит весьма разумным. Такие функции лучше поручить академической структуре, которая находится в сфере контроля государства, но в то же время обладает необходимой степенью автономности и достаточно высоким профессиональным потенциалом.

Оценки на микроуровне

Собранные данные не являются достаточными для вынесения системных оценок о функционировании АЦ на макроуровне. В то же время отдельные выводы могут быть сделаны.

Во-первых, бросается в глаза неравенство потенциала АЦ: среди них есть как организации одного-двух сотрудников, так и коллективы, насчитывающие сотни экспертов [Атлас ... , 2021, Атлас ... , 2022]. Анализ финансовых основ их деятельности не проводился (это является перспективной задачей), но и здесь будет значительное неравенство. Интересно было бы сравнить количественные и качественные характеристики результатов деятельности на единицу финансового показателя для оценки эффективности различных типов АЦ, однако эта задача является очень сложной ввиду того, что некоторые из них функционируют в качестве структурных подразделений, и обособить их бюджеты будет очень сложно.

Во-вторых, сильно различается медийный потенциал АЦ. Высокая частота упоминаний в СМИ в рассмотренных кейсах обеспечивается в основном несколькими экспертами, которые комментируют актуальную политику от имени организации. Это вряд ли дает объективную картину и скорее отражает персональные возможности организации горизонтального взаимодействия.

В-третьих, существенно отличается качество работы с собственными сайтами и соцсетями. Здесь АЦ – НГО являются безусловными лидерами, что достаточно объяснимо, так как в этом их главное конкурентное преимущество.

АЦ стран ЕАЭС оказались достаточно активны в публичном плане, хотя они и производят ограниченную номенклатуру идей, а также выполняют далеко не все функции в рамках государственной системы. В конечном итоге эти АЦ нельзя назвать «проводниками правды» и «производителями знаний» в полной мере, так как они достаточно редко позволяют публичную критику, пусть и конструктивную, в отношении власти. Результатом этого скорее всего является их слабая востребованность (как формальная, так и неформальная, публичная и частная) со стороны политических акторов и групп интересов, которые предпочитают продвигать свои интересы самостоятельно, не обращаясь в случае содержательных споров по поводу формирования политики к АЦ как производителям идей, так как они не обладают необходимым авторитетом, вытекающим из их квалификации и беспристрастности.

Оценки на макроуровне показывают, что весь ландшафт АЦ имеет серьезный потенциал для корректировки и улучшения, причем это можно сделать только по инициативе и при поддержке государства.

Заключение

На основе анализа теоретических концептов, применимых к деятельности АЦ, разработан инструментарий оценки публичной деятельности аналитических центров стран ЕАЭС с точки зрения влияния на общественное согласие и формирование доверия к общественным и государственным институтам. В основе этого инструментария лежит оценка типа «идей», производимых АЦ, функций в рамках модели стабильности и устойчивости государственных систем (МСУГС) и «режимов знаний» как базовых принципов функционирования системы АЦ в рамках конкретной политики.

Типология «идей» позволяет определить тип адресата и через это дать более точную оценку качества самих идей и каналов их коммуникации. Это позволяет идентифицировать идеи, деструктивно влияющие на общественное согласие и доверие госу-

дарственным и общественным институтам, а также давать количественную и качественную оценку деятельности самих АЦ как общественного института.

Использование МСУГС для определения функций АЦ с точки зрения их влияния на общественное согласие и доверие к государственным и общественным институтам позволяет увидеть проблемы и дисбалансы в деятельности АЦ, на которые можно повлиять методами государственной политики.

Использование концепта «режима знаний» позволяет определять национальную специфику действия АЦ внутри государственной системы, что в свою очередь позволяет уточнять требования к продуктам АЦ (производимым «идеям»), функциям АЦ и правилам их взаимодействия между собой и с общественно-политическими акторами. Применение этого подхода возможно как для решения поставленных задач (оценки влияния на общественное согласие и доверие государственным и общественным институтам), так и по более широкому кругу вопросов.

Использование этого инструментария на практике предполагает количественную и качественную оценку контента, производимого АЦ в публичном пространстве: путем публикаций на собственных сайтах, в соцсетях, в СМИ. Это позволяет получать оценки на макро- и микроуровнях.

Апробация предложенного инструментария дала интересные и применимые на практике результаты.

Получено представление о доминирующих типах «идей», производимых АЦ стран ЕАЭС: это «рамки» и «парадигма». Производство идей типа «общественные настроения» встречается в основном у НГО. Производство «программ» в публичном пространстве практически незаметно. Это означает, что АЦ ориентированы в основном на формирование внутриэлитных представлений о ценностях, формирующих политический курс, и на объяснение этих подходов общественности «сверху вниз».

Указанные результаты коррелируют с выявленной тенденцией на доминирование функций «объяснение политического курса» и «организация дискуссии и диалога» в рамках МСУГС. «Объяснение политического курса» также предполагает однонаправленную коммуникацию «сверху вниз», когда АЦ фактически объясняют общественности логику действий власти, в то время как функция «дискуссии и диалога» может осуществляться как на «властном», так и

на «общественном» этажах, включая общение внутри экспертного сообщества (последнее происходит значительно чаще). Функция «конструктивная критика» встречается еще реже.

Подобное положение дел нельзя считать оптимальным: недостаток производства идей типа «общественные настроения» и недостаток реализации функции «представительство интересов» говорят о том, что АЦ недостаточно выполняют функции по вертикальной («снизу вверх») коммуникации между властью и обществом, а также плохо работают в горизонтальных коммуникациях внутри общественного и предпринимательского сектора. Такое положение вещей объяснимо, так как среди АЦ много государственных, академических и университетских структур, которые в среднем более активны, чем АЦ – НГО, что чаще всего объясняется недостатком ресурсов у последних. Скорее всего, государству самому нужно стимулировать действующие и создавать новые АЦ – НГО, особенно на фоне ухода или ликвидации АЦ с иностранным участием и существенного сокращения финансирования деятельности АЦ – НГО из-за рубежа. Также государству нужно стимулировать функцию «конструктивной критики» со стороны АЦ, особенно государственных, академических и университетских.

Важно, что в ходе исследования сформирована гипотеза о том, что во всех странах ЕАЭС сформирована консенсусная модель «режима знаний». В краткосрочной перспективе это, безусловно, обеспечивает определенные видимые признаки общественного согласия, но в долгосрочной перспективе может приводить к накоплению неудовлетворенности и снижению уровня доверия государственным и общественным институтам, в том числе по той причине, что АЦ не будут восприниматься в качестве «производителей правды», авторитетных и востребованных независимых источников научного знания. В связи с этим перспективной прикладной задачей является стимулирование интеллектуальной конкуренции и конкуренции идей. Это необходимо делать в первую очередь в идеологическом сегменте, для чего могут быть очень полезными партийные АЦ. Конкуренция такого рода идей может быть полезной для выявления общественных настроений и представительства интересов. При этом партийные АЦ, будучи ангажированными, не могут быть верификаторами этого процесса, что повысит спрос на АЦ, действующие в режиме «знание как ценность». В результате формируются следующие направления поддержки и развития АЦ: партии и бизнес могут сконцентрироваться на развитии

АЦ – НГО, ориентированных на функции «представительство интересов» и «конструктивная критика» и на производство идей типа «общественные настроения» и «программы», в то время как академические и университетские АЦ должны получить стимул по активизации выполнения функций «дискуссии и диалога». Впоследствии государственные АЦ также получают стимул для более активной работы, в том числе в конкурентном формате (с партийными и бизнес-ориентированными АЦ). Сам режим знаний в перспективе может трансформироваться в «технократический» или «политически сдержанный» (в зависимости от специфики конкретной страны ЕАЭС).

Для обеспечения такого рода трансформаций потребуется серьезная инфраструктурная поддержка: образовательная (для подготовки и повышения квалификации кадров АЦ), организационно-методологическая (для помощи в создании и повышении эффективности деятельности АЦ как структур), материальная (предоставление помещений и коммуникационных средств для организации дискуссионных площадок) и иная. Эта деятельность также потребует постоянного мониторинга и координации.

M.V. Vilisov*

**«Think tanks» or «forges of ideas»? The value agenda
of the EAEU countries' think tanks in the public policy framework¹**

Abstract. There are more than two hundred analytical centers in the five EAEU countries that have formed a certain practice of participation in the socio-political life of the respective countries throughout the post-Soviet history. This practice has not yet

* **Maksim Vilisov**, INION; Lomonosov Moscow State University; MGIMO University (Moscow, Russia); e-mail: vilisov@centero.ru

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта (государственный номер 122101100044–6), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

The paper is prepared within a scope of the research project (state registration number 122101100044–6), supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and Expert Institute for Social Research on the results of the contest selection and conducted in the Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences.

been properly?? studied in practical?? terms, in terms of its real impact on the public policy formation and political decision-making. The article proposes to use / apply the existing theoretical developments regarding the activities of analytical centers, their results («ideas»), principles of interaction between themselves, as well as with state and public institutions («knowledge regimes»), «model of stability and sustainability of state systems») to form a theoretical framework for assessing their role and functions in socio-political processes. As a result, an understanding of analytical centers as producers of «ideas» as well as the types of ideas and formats of their influence on socio-political processes, the functions of analytical centers in the context of ensuring stability and sustainability of state systems, ensuring public consent, and trust in state and public institutions was formed. The developed approach was tested as part of a study of the public activity of the EAEU think tanks in 2022 using quantitative and qualitative methods. The understanding of the dominant types of ideas produced by the analytical centers of the EAEU countries, of the main functions performed within the framework of ensuring the stability and sustainability of state systems, and of the «knowledge regimes» common among the EAEU countries was formed. The results obtained can be used to improve the activities of analytical centers both at the macro (the level of public policy) and at the micro (the level of a specific organization) levels.

Keywords: think tank; EAEU; idea; knowledge regime; model of stability and sustainability of state systems.

For citation: Vilisov M.V. «Think tanks» or «forges of ideas»? The value agenda of the EAEU countries' think tanks in the public policy framework. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 203–233. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.09>

References

- Abelson D. *Do think tanks matter? Assessing the impact of public policy institutes*. Montreal: McGill's Queens University Press, 2018, 560 p.
- Atoyan V.K. The role of think tanks in integration processes. *Science. Culture. Society*. 2021, Vol. 27, N 3, P. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.1> (In Russ.)
- Baez-Camargo C., Ledeneva A. Where does informality stop and corruption begin? Informal governance and the public/private crossover in Mexico, Russia and Tanzania. *Slavonic and East European review*. 2017, Vol. 95, N 1, P. 49–75.
- Campbell J.L. Institutional analysis and the role of ideas in political economy. *Theory and society*. 1998, Vol. 27, N. 3, P. 377–409.
- Campbell, J.L., Pedersen, O.K. Knowledge regimes and comparative political economy. In D. Béland & R. Cox (Eds.), *Ideas and politics in social science research*. Oxford: Oxford University Press. 2011. P. 167–190
- Carstensen M.B., Vivien A., Schmidt V.A. Power through, over and in ideas: conceptualizing ideational power in discursive institutionalism. *Journal of European public policy*. 2016, Vol. 23, N 3, P. 318–337. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1115534>
- Drezner D. *The ideas industry: how pessimists, partisans, and plutocrats are transforming the marketplace of ideas*. Oxford: Oxford University Press, 2017, 360 p.

- Efremenko D.V. Russian foreign policy and expert analysis institutions. *Russia and contemporary world*. 2014, N 1 (82). P. 37–54. (In Russ.)
- Efremenko D.V. Expert-analysis communities and Russian foreign policy. In: *The role of the expert-analysis communities in the public agenda formation in contemporary Russia. Collection of research papers, "Political Science" series*. Moscow: INION RAN, 2017, P. 32–49. (In Russ.)
- Hall P.A. Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain. *Comparative politics*. 1993, Vol. 25, N. 3, P. 275–296.
- Khmel'nitskaya M. Socio-economic development and the politics of expertise in Putin's Russia: The 'hollow paradigm' perspective. *Europe-Asia studies*. 2021, Vol. 73, N 4, P. 625–646. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1853680>
- Komissina I.N. New think-tank with the Chinese specificity: problems and prospect for development. *National Strategy Issues (RU)*. 2017, N. 6 (45), P. 68–83. (In Russ.)
- Kudayarov K.A. Think tanks of Kazakhstan and Uzbekistan. *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian studies. History. Political science. International relations" Series*. 2022 a, N 4, P. 60–72. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2022-4-60-72> (In Russ.)
- Kudayarov K.A. Think tanks of Kyrgyzstan. *Information and analytical journal «Social sciences and humanities: domestic and foreign literature». Series 9: «Oriental and African studies»*. 2022 b, N 3, P. 62–77. DOI: <https://doi.org/10.31249/RVA/2022.03.04> (In Russ.)
- Kudayarov K.A. Think tanks of Tajikistan. *Information and analytical journal «Social sciences and humanities: domestic and foreign literature». Series 9: «Oriental and African studies»*. 2022 c, N 4, P. 52–69. DOI: <https://doi.org/10.31249/rva/2022.04.04> (In Russ.)
- Kuznetsov A.V. (ed). *"Greater Eurasia" think tanks directory*. Moscow: INION RAN, 2022, 331 p. (Preprint). (In Russ.)
- Kuznetsov A.V. (ed). *Eurasian Economic Union think tanks directory*. Moscow: INION RAN, 2021, 206 p. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Why ideas matter. *Political science (RU)*. 2009, N 4, P. 5–24. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Ideas as independent variables in political studies: in search of adequate methodology. *Polis. Political studies*. 2010, N 3, P. 90–99. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Expert-analytical organizations and the formation of the public agenda: analysis of ideological practices in modern Russia. *Political science (RU)*. 2013, N 4, P. 192–210. (In Russ.)
- Maslov A.A. The transformation of analytical centers as an element of Chinese "soft power" in the 2010–2020. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021, Vol. 14, N 4, P. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-1>. (In Russ.)
- McGann J., Johnson E. *Comparative think tanks, politics and public policy*. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar Publishing, 2005, 288 p.
- McGann J.G., Weaver R.K. (eds). *Think tanks and civil societies*. New Brunswick: Transaction, 2000, 617 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315135595>
- McGann J. *The fifth estate. Think tanks, public policy and governance*. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2016, 240 p.

- Rich A. *Think tanks, public policy and the politics of expertise*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 270 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511509889>
- Rimsky V.L., Sungurov A. Yu. Russian centers of public policy: experience and prospects. *Polis. Political studies*. 2002, N 6, P. 143–150. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.06.13> (In Russ.)
- Ruser A. What to think about think tanks: towards a conceptual framework of strategic think tank behaviour. *International journal of politics, culture and society*. 2018, N 31, P 179–192. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10767-018-9278-x>
- Sungurov A. Yu. Expert communities and authorities: interaction models, main functions and conditions for their implementation. *Political Science (Ru)*. 2015, N 3, P. 43–70. (In Russ.)
- Sungurov A. Yu., Raspopov N.P., Belyaeva A. Yu. Mediator institutions and their development in contemporary Russia. Part II. Think tanks and public policy centers. *Polis. Political Studies*. 2012, N 4, P. 99–116. (In Russ.)
- Vilisov M.V., Telin K.O., Filimonov K.G. From resilience to stability: what makes public policy good? *Journal of political theory, political philosophy and sociology of politics. Politeia*. 2020, N 1, P. 7–27. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27> (In Russ.)
- Weidenbaum M. Measuring the influence of think tanks. *Society*. 2010, N 47, P. 134–137. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12115-009-9292-8>
- Westerwinter O., Abbot K., Biersteker T. Informal governance in world politics. *The Review of international organizations*. 2021, N 16, P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11558-020-09382-1>
- Yakunin V.V., Kuznetsov I.I., Vilisov M.V. The Post-Soviet state systems' resilience: an outline of the theoretical model. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2020, Vol. 13, N 4, P. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-1>. (In Russ.)
- Zaitsev D.G. *Think tanks as the political process subjects*. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 2009, 19 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Атлас аналитических центров ЕАЭС: справочник* (2021) / под ред. А.В. Кузнецова; ИНИОН РАН, Центр междисциплинарных исследований. – Москва: ИНИОН РАН, 2021. – 206 с.
- Атлас аналитических центров «Большой Евразии»: справочник* (2022) / под ред. А.В. Кузнецова; ИНИОН РАН, Центр междисциплинарных исследований. – Москва: ИНИОН РАН, 2022. – 331 с. (препринт).
- Атоян В.К. Роль фабрик мысли в интеграционных процессах // Наука. Культура. Общество. – 2021. – Т. 27, № 3. – С. 6–13. – DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.1>

- Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. От устойчивости к стабильности: что делает хорошим государственное управление // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2020. – № 1 (96). – С. 7–27. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27>
- Ефременко Д.В. Российская внешняя политика и экспертно-аналитические организации // Россия и современный мир. – 2014. – № 1 (82). – С. 37–54.
- Ефременко Д.В. Экспертно-аналитические сообщества и российская внешняя политика // Роль экспертно-аналитических сообществ в формировании общественной повестки дня в современной России. Сборник научных трудов, сер. «Политология». – Москва. ИНИОН РАН, 2017. – С. 32–49.
- Зайцев Д.Г. Аналитические центры как субъекты политического процесса. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2009. – 19 с.
- Комиссина И.Н. Новые «мозговые центры» с китайской спецификой: проблемы и перспективы развития // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 6 (45). – С. 68–83.
- Кудаяров К.А. Аналитические центры Казахстана и Узбекистана // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». – 2022 а. – N 4. – С. 60–72. – DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2022-4-60-72>
- Кудаяров К.А. Аналитические центры Кыргызстана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022 б. – № 3. – С. 62–77. – DOI: <https://doi.org/10.31249/RVA/2022.03.04>
- Кудаяров К.А. Аналитические центры Таджикистана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022 с. – № 4. – С. 52–69. – DOI: <https://doi.org/10.31249/rva/2022.04.04>
- Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 5–24.
- Малинова О.Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 90–99.
- Малинова О.Ю. Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – N 14 (4). – С. 6–22. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-1>
- Римский В.Л., Сунгуров А.Ю. Российские центры публичной политики: опыт и перспективы // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 6. – С. 143–150. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.06.13>
- Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. – 2015. – № 3. – С. 43–70.

Сунгуров А.Ю., Распопов П.П., Беляева А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. Часть II. Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 99–116.

Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В. Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 6–33. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-1>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты выборочной качественной оценки публикаций АЦ стран ЕАЭС

Тип АЦ	Основной тип упоминаний в СМИ	Основной тип идеи	Тональность идей (конкуренция, консенсус)	Функция в рамках МСУГС
Россия				
Государственный	Комментарий, результаты исследования, мероприятие	Рамки, парадигмы	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Академический	Комментарий	Рамки, парадигмы	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Университетский	Комментарий, интервью	Рамки, парадигмы, общественные настроения	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса
НГО	Комментарий	Общественные настроения	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса, конструктивная критика
Армения				
Государственный	Комментарий, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы, общественные настроения	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Академический	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
Университетский	Комментарий, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы, программы, общественные настроения	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога

Продолжение таблицы

НГО	Комментарии	Рамки, парадигмы, общественные настроения	Конкуренция (внутри и вовне)	Объяснение политического курса, конструктивная критика
Беларусь				
Государственный	Комментарий	Рамки, парадигмы	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса
Академический	Комментарий, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Университетский	Комментарий, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса
НГО	Комментарий, презентация результатов исследования	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса
Казахстан				
Государственный	Информация о мероприятиях, комментарий	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Академический	Информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса, представительство интересов
Университетский	Комментарий	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса
НГО	Комментарии, информация о мероприятиях	Парадигмы, общественные настроения	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Киргизия				
Государственный	Комментарии, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Академический	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
Университетский	Комментарии, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
НГО	Комментарии, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога